

Глава 6 Бессмертный

Когда Цюй Юньме вошёл, Сяо Жун и впрямь был пьян. Причём пьян весьма причудливо: он оставался в ясном сознании, прекрасно понимая, что делает, но алкоголь словно вырвал некую важную струну в его разуме. И без этой «струны» его поведение... стало крайне опрометчивым.

Лишь когда Цюй Юньме, потеряв терпение, вознамерился его убить, чувство смертельной угрозы окончательно протрезвило юношу.

В его воображении, сотканном из стереотипов, Цюй Юньме рисовался свирепым великаном сажени в два ростом, с косою саженью в плечах, густой неопрятной бородой и лицом, заплывшим от злобы и жира. И хотя в кино его обычно играли записные красавцы, Сяо Жун не доверял экранизациям — он верил книгам. А исторические хроники описывали полководца именно так.

Только теперь Сяо Жун осознал, сколь глубоко он заблуждался. Оказалось, что летописям нельзя верить безоговочно.

Проглотив миску отрезвляющего отвара и добравшись до постели с помощью вернувшегося А Шу, Сяо Жун долго лежал, воскрешая в памяти облик Цюй Юньме. Наконец он едва слышно прошептал: — Какое расточительство...

Хмыкнув, он перевернулся на бок и мгновенно уснул. Проблемы завтрашнего дня не имели власти над ним нынешним.

***

На следующее утро Цзянь Цяо вёл Сяо Жуна во дворец. Всю дорогу он не переставал давать наставления: — Государь вспыльчив и не терпит возражений. Прошу вас, господин, запечатлейте это в своём сердце. И ещё: великий ван никогда не верил в магию или тайные искусства. Когда войдёте, заклинаю вас — ни слова об этом. Сначала признайте вину, затем молитесь о пощаде и не говорите ничего лишнего. Вчера государь проявил милосердие, но сегодня всё может быть иначе. Будьте предельно осторожны.

Они остановились перед дверями покоев Цюй Юньме. Сяо Жун перевёл взгляд с входа на генерала: — Вы закончили? — Э-э... — Цзянь Цяо замялся. — Да, закончил. — Вот и славно, — улыбнулся юноша. — Тогда я вхожу.

Генерал застыл в оцепенении.

«Подождите! Вы хоть слово из сказанного мной запомнили?!»

***

Сяо Жун толкнул тяжёлые створки и шагнул внутрь. Дворец был величественным, а личные покои государя — по-настоящему огромными, но если внешнее убранство впечатляло мощью, то внутреннее поражало аскетизмом.

В колоссальном зале почти не было мебели. Мечи, копья и доспехи встречались здесь чаще, чем столы или стулья. Это создавало странное, неудобное ощущение — казалось, ты попал не в королевские палаты, а в разросшийся до невероятных размеров военный шатёр.

Неудивительно, что потомки, высмеивая Чжэньбэй-вана, тратили столько витиеватых слов на описание его быта. Смысл их сводился к одному: «Горный кабан не способен оценить вкус тонких отрубей».

Цюй Юньме, подперев голову рукой, дремал. Едва юноша приблизился на расстояние в три шага, глаза воина распахнулись. Острый, пронзительный взгляд впился в гостя, заставив того инстинктивно замереть на месте. Ого.

Сяо Жун тут же укорил себя за секундную слабость.

«Цюй Юньме идеально подошёл бы для игры в «замиралки»

Отбросив эти кощунственные мысли, он поднял руки, сложив их на уровне лба, и совершил глубокий поклон. Это было высшее проявление почтения среди книжников, и Сяо Жун за всё время пребывания в этом мире прибегал к нему лишь пару раз. Он заговорил — спокойно и с достоинством: — Сяо Жун приветствует великого вана.

Голос его напоминал чистый горный ручей — свежий, звонкий и располагающий к себе. Любому другому это сразу бы добавило симпатии к гостю. Любому, кто не слышал вчера, какими словами этот «ручей» поносил хозяина дворца.

Цюй Юньме смотрел, как юноша безмятежно кланяется. Выпрямившись, он холодно усмехнулся: — Ну как, господин, хмель окончательно выветрился? — Благодарю государя за заботу, — ответил Сяо Жун, поднимая голову. — Я совершенно трезв. — И каково же, по вашему мнению, должно быть ваше наказание?

Юноша опустил глаза, словно и впрямь задумался, а затем произнёс: — Проявить неучтивость перед лицом государя — за это положена кара. Но говорить правду прямо в глаза государю — за это положена награда. Награда и кара уравнивают друг друга, а значит, нет нужды ни в том, ни в другом.

Вчера он изъяснялся как простолюдин, а сегодня заговорил на языке книжников — Цюй Юньме лишь утвердился в мысли, что этот человек насквозь фальшив. Полководец рассмеялся от столь неприкрытой дерзости: — Господин весьма благороден, раз не требует награды у этого вана. Но знаете ли вы, что я отнюдь не тот мудрый правитель, который с радостью внемлет критике? Тех, кто указывает мне на ошибки в лицо, я жалую не наградами, а казнями.

Он в упор смотрел на Сяо Жуна, надеясь увидеть в его глазах страх. Но тот молчал.

«Надо же, ты даже исторические аллюзии знаешь. Выходит, не такой уж ты и неуч»

— Государь привык говорить прямо, — наконец произнёс юноша. — Если бы вы желали моей смерти, вы бы казнили меня ещё вчера, а не давали бы спокойно проспать всю ночь. К тому же те гнусные речи, что вы слышали — не мои слова. Это лишь то, что думают о великом ване люди в Южной Юн.

Сяо Жун лгал, не моргнув и глазом: — Я проделал путь от самого Синьяня на север, следуя за вашим войском. Я видел всё своими глазами и слышал своими ушами. Южная Юн погрязла в предрассудках, там не отличают чёрного от белого. Чиновники там злонамеренны, народ пребывает в неведении, а государь... государь там хуже последнего бедняка.

Цюй Юньме помрачнел: — То, о чём вы говорите, я не видел. Зато ваши вчерашние безумные речи я слышал отчётливо.

Сяо Жун мягко улыбнулся: — Верно, те дерзкие слова сорвались с моих губ. Но не соблаговолит ли великий ван разрешить мои сомнения? Если бы я был заодно с толпой из Южной Юн, зачем бы мне, преодолевая старый недуг и раскрывая свои способности, проделывать тысячи ли, чтобы оказаться подле вас?

Цюй Юньме нахмурился. Старый недуг?

Присмотревшись, он и впрямь заметил, что собеседник выглядит неважно. В его лице сквозила болезненная бледность — такой человек долго не задержится в этом мире. Полководец лишь изучал его, но Сяо Жун расценил это молчание как неспособность найти ответ и поспешил перехватить инициативу.

— Государь не знает ответа, потому что этого вопроса не существует. Как не существует и иного решения. Сяо Жун знает, что его дни сочтены. Мои амбиции велики, и в одиночку мне их не достичь. Во всём подлунном мире есть лишь один человек, которого я почитаю и кто способен помочь мне — это вы, великий ван. Помогите мне, и я до последнего вздоха буду служить вам верой и правдой. Говорят, что даже камень можно сдвинуть, но моя верность государю — незыблема, и в этой жизни ей нет возврата.

На последней фразе юноша поднял голову и посмотрел прямо в глаза Цюй Юньме. Его взгляд горел такой решимостью, что полководец, привыкший к общению с прямолинейными солдатами, невольно заколебался. Ему даже показалось, что в глазах собеседника он видит ту самую фанатичную преданность, которая не признаёт иного господина.

Но Цюй Юньме не спешил сдаваться. Он язвительно усмехнулся: — Этот ван подозрителен по натуре. Несколько красивых слов не заставят меня доверять вам.

Сяо Жун промолчал.

«Мелочный ты человек»

Вслух же он смиренно произнёс: — Государь прав. Раз вы всё ещё не доверяете мне, позвольте мне остаться подле вас. Где великий ван — там и я. Будете вы в Яньмэне или в военном лагере — я последую за вами. Ваш взор остер, и никакие уловки не скроются от ваших глаз. Так вы будете спокойны, а я смогу доказать свою верность делом.

Цюй Юньме пристально вглядывался в лицо Сяо Жуна, пытаясь отыскать в нём тень подвоха, но тот был бесстрастен. В его облике сквозила чистота и благородство истинного цзюньцзы. Цюй Юньме недолюбливал книжников, но он вырос в этом мире и не мог не испытывать невольного уважения к подобному достоинству.

К тому же, рассуждая здраво, юноша предложил самый надёжный вариант. Держать подозрительного человека при себе — значит всегда контролировать его. В своей силе Цюй Юньме не сомневался и не боялся покушений.

Приняв решение, он посмотрел на Сяо Жуна и осклабился: — Пусть будет по-твоему. Но смотри, господин, не разочаруй меня.

Улыбка Сяо Жуна была куда более искренней. Он радостно поклонился: — Несомненно, я оправдаю доверие великого вана!

Цюй Юньме промолчал. Видя столь бурную радость юноши, он почувствовал себя так, словно со всей силы ударил по охалке хлопка — никакого сопротивления, лишь пустота. Что это за человек такой? Почему он ведёт себя совсем не так, как полагается?

***

Цзянь Цяо томился в ожидании снаружи. Наконец Сяо Жун вышел. Он стоял в лучах утреннего солнца и едва заметно улыбался генералу. Тот подбежал к нему в два прыжка: — Ну как? — Свершилось, — уверенно кивнул юноша.

Цзянь Цяо просиял от счастья: — Правда?! Государь пощадил вас?

Сяо Жун моргнул: — Пощадил? Я имею в виду, что великий ван позволил мне сопровождать его в походах. А до тех пор я буду жить во дворце. Благодарю генерала за вчерашний приют. Отныне мы — соратники, надеюсь на вашу поддержку и впредь.

С этими словами он весело рассмеялся, махнул рукой и отправился собирать вещи.

Цзянь Цяо снова впал в ступор. Сказать государю такие самоубийственные слова — и не только уцелеть, но и добиться того, чтобы его поселили прямо во дворце?!

«Кто же он такой, этот Сяо Жун? Может, и впрямь небожитель, спустившийся на землю?»

Генерал поднял голову к небу, но не увидел там никаких знамений. Медленно закрыв рот, он уяснил для себя одно.

Кем бы ни был Сяо Жун — человеком, демоном или бессмертным, — отныне с ним ни в коем случае нельзя враждовать...

<http://bllate.org/book/15355/1413217>